

**Викентий
Вересаев**

**Да здравствует
весь мир!**

(О Льве Толстом)

**Директ-Медиа
Москва
2010**

Вересаев В.В. Да здравствует весь мир! (О Льве Толстом). — М.: Директ-Медиа, 2010. — 188 с.

ISBN 978-5-9989-4303-4

Викентий Викентьевич Вересаев (1867—1945) — известный русский советский писатель. Его произведения словно главы истории революционной борьбы в России конца XIX — начала XX века, страницы летописи исканий русской интеллигенции в то бурное время.

© Вересаев В.В., 2010

© Издательство "Директ-Медиа", оформление, 2010

Содержание

I. Единство	5
II. Способ познания.....	15
III. "Смысл добра"	19
IV. Живая жизнь	30
V. Мертвецы	51
VI. Прекрасный зверь	59
VII. "Не ниже ангелов"	64
VIII. Любовь — радость	68
IX. Любовь — единение	77
X. Любовь мертвецов.....	86
XI. "Мне отмщение"	89
XII. Смерть.....	111
XIII. Memento vivere!	119
XIV. "Будь всяк сам себе"	126
XV. Природа	130
XVI. История двух бесконечностей	133
XVII. Бог	155
XVIII. "Не я, но вы увидите уже лучшую землю"	161
Противоположные.....	176
Сон третьего ноября.....	182

Немец засмеялся, вышел совсем из дверей коровника, сдернул колпак и, взмахнув им над головой, закричал: — Und die ganze Welt hoch!

Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: "Und vivat die ganze Welt". Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись, немец — в коровник, Ростов — в избу.

"Война и мир"

I. Единство

Солнце — яркое, горячее солнце над прекрасною землею. Куда ни взглянешь, всюду неожиданная, таинственно-значительная жизнь, всюду блеск, счастье, бодрость и вечная, нетускнеющая красота. Как будто из мрачного подземелья вдруг вышел на весенний простор, грудь дышит глубоко и свободно. Вспоминается далекое, изжитое детство: тогда вот мир воспринимался в таком свете и чистоте, тогда ощущалась эта таинственная значительность всего, что кругом.

Среди прекрасного мира — человек. Из души его тянутся живые корни в окружающую жизнь, раскидываются в ней и тесно сплетаются в ощущении непрерывного, целостного единства.

"И все я был один, — рассказывает Николенька в "Юности", — и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающая к себе светлый круг месяца, стоящий везде, и как будто наполняющий собою все необъятное пространство, и я, ничтожный червяк, — мне все казалось в эти минуты, что как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же".

Оленин лежит в первобытном лесу, в логовище оленя. "Около меня, пролетая между листьями, которые кажутся им огромными островами, стоят в воздухе и жужжат комары; и все они что-нибудь и зачем-нибудь жужжат около меня, и каждый из них такой же особенный от всех Дмитрий Оленин, как и я сам". Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары: "Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть!" — жужжат они и облепляют его. И ему ясно стало, что он несколько не русский дворянин, член московского общества, а просто такой же комар или такой же фазан или олень, как и те, которые живут теперь вокруг него".

Князю Мышкину Достоевского мучительно чужд и недоступен "вечный праздник природы". Как незванный гость, "всему чужой и выкидыш", тоскливо стоит он в стороне и не в силах отозваться душою на ликование жизни. Для Толстого же этот праздник — свой, родной. Он рвется в самую его гущу, как ласточка в воздух.

"Я люблю природу, — пишет Толстой, — когда она со всех сторон окружает меня и потом развивается бесконечно вдаль, но когда я нахожусь в ней. Я люблю, когда со всех сторон окружает меня жаркий воздух, и этот же воздух, клубясь, уходит в бесконечную даль, когда вы не одни ликуете и радуетесь природой, когда около вас жужжат и вьются мириады насекомых, сцепившись, ползают коровки, везде кругом заливаются птицы. А это (альпийская вершина) — голая, холодная, серая площадка, и где-то там красивое что-то подернуто дымкой дали. Но это что-то так далеко, что я не чувствую главного наслаждения природы, не чувствую себя частью этого всего бесконечного и прекрасного далека. Мне дела нет до этой дали". (Из черновых путевых заметок Толстого о Швейцарии.)

Вокруг человека — огромное море жизни: животные, растения. У них нет рассудка, они не умеют говорить. Но в них есть самое важное, что и в человеке важнее рассудка и слов.

"— Нынче весной, — рассказывает дядя Ерошка, — так-то подошел табун важный, зачернелся. "Отцу и сыну..." уж хотел стрелить. Как она фыркнет на своих на поросят: "беда, мол, детки: человек сидит!" — и затрещали все прочь по кустам.

— Как же это свинья поросятам сказала, что человек сидит? — спросил Оленин.

— А ты как думал? Ты думал, он дурак, зверь-то? Нет, он умней человека, даром, что свинья называется. Он все знает. Хоть то в пример возьми: человек по следу пройдет, не заметит, а свинья как наткнется на твой след, так сейчас отдует и прочь; значит, ум в ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышит... Она свинья, а все она не хуже тебя: такая же тварь божия. Эх-ма! Глуп человек, глуп, глуп человек!"

Толстой говорит про лошадь Вронского Фру-Фру: "она была одно из тех животных, которые, кажется, не говорят только потому, что механическое устройство их рта не позволяет им этого".

И повсюду у Толстого только как будто эта механическая причина отделяет животных от людей.

"Старая Ласка, еще не совсем переварившая радость приезда Левина, вернулась со двора, махая хвостом, подошла к нему, подсунула голову под его руку, жалобно подвизгивая и требуя, чтобы он поласкал ее.

— Только не говорит, — сказала Агафья Михайловна. — А пес... Ведь понимает же, что хозяин приехал и что ему скучно".

Мухортый ищет среди метели дорогу домой. "Никита только дергал вожжи, стараясь не шевелить ими, радуясь на ум своего любимца.

— Только не говорит, — приговаривал Никита. — Вишь, что делает! Иди, иди знай! Так, так... И умен же!.. Гляди, что ушами делает. Никакого телеграфа не надо, за версту чует".

Собаки упустили волка. "Когда мы прибежали к канаве, волка уже не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня

головой — он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел" ("Булька и волк").

Однако, в конце концов, слова не так уж необходимы. Тесное, непрерывное общение происходит между душами и помимо слов — путем взглядов, интонаций, какой-то своеобразной интуиции.

"Левин пустил собаку. Сытый, бурый третьяк, увидав собаку, шарахнулся. Остальные лошади тоже испугались. Ласка остановилась, насмешливо посмотрела на лошадей и вопросительно на Левина. Левин посвистал в знак того, что можно начинать". Ласка почувяла дичь. "Чтоб найти, она начала уже круг, как вдруг голос хозяина развлек ее.

— Ласка! Тут! — сказал он, указывая ей другую сторону.

Она постояла, спрашивая его, не лучше ли делать, как она начала. Но он повторил приказание сердитым голосом".

Фру-Фру на скачках. "В то самое мгновение, как Вронский подумал о том, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, поняв уже то, что он подумал, без всякого поощрения значительно надала и стала приближаться к Махотину с самой выгодной стороны, со стороны веревки. Махотин не давал веревки. Вронский только подумал о том, что можно обойти и извне, как Фру-Фру переменила ногу и стала обходить именно таким образом... Он подскакивал к ирландской банкетке. Вместе с Фру-Фру он еще издали видел эту банкетку, и вместе им обоим, ему и лошади, пришло мгновенное сомнение. Он заметил нерешимость в ушах лошади и поднял хлыст, но тотчас же почувствовал, что сомнение было неосновательно: лошадь знала, что нужно".

Мне рассказывала одна моя знакомая: до семнадцати лет она безвыездно жила в городе, животных, как все горожане, видела мало и знала еще меньше. Когда она в первый раз стала читать Толстого и через него почувствовала животных, ее охватил непередаваемый, странный, почти мистический ужас. Этот ужас она сравнивает с ощущением человека, который бы уви-

дел, что все неодушевленные предметы вокруг него вдруг зашевелились, зашептались и зажили неожиданною, тайною жизнью.

И не только в животных есть для Толстого эта тайная, но близкая человеку жизнь. Есть она и в растениях.

Толстой стал вырубать в саду молодые топольки, шедшие от корней большого тополя. "Мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землей их сочные корни, как потом вчетвером мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополек. Он из всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь... Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их. Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот: когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Он давно уже умирал и знал это, и передал свою жизнь в отростки".

Деревья умеют ходить. Черемуха выросла близко от липы, липа затенила ее. "Черемуха, чтоб ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку. Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком на землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила" (Рассказы для детей из ботаники: "Как ходят деревья").

"Тополь знал, что умирает", "черемуха почуяла, что ей не жить". У Толстого это не поэтические образы, не вкладывание в неодушевленные предметы человеческих чувств, как делают баснописцы. Пусть не в тех формах, как человек, — но все же тополь и черемуха действительно знают что-то и чувствуют. Эту тайную их жизнь Толстой живо ощущает душою, и жизнь эта роднит дерево с человеком.

Толстой рубит черемуху. "Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор и потом напрямик подсесть подкошенное и дальше, и дальше врубаться в дерево. Я совсем забыл о черемухе и только думал о том, как бы скорее свалить ее... Когда я запыхался, я положил топор, уперся с мужиками в дерево и попытался свалить его.

Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас посыпались белые душистые лепестки цветов. В то же время точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло в середине дерева, — мы налегли, и как будто заплакало, затрещало в середине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

— Эх, штука-то важная! — сказал мужик. — Живо жалко!

А мне так было жалко, что я поскорее отошел к другим рабочим"...

Еще крепче эта таинственная, живая связь у людей друг с другом. Наружно они сообщаются словами, но души их, помимо слов, все время соприкасаются в каком-то другом общении, неизмеримо более глубоком, тесном и правдивом.

"— А что, Марьянка, слышь, начальника у вас поставили? — спросил Лукашка, подвигаясь к ней.

Марьянка, как всегда, не сразу отвечала и медленно подняла глаза на казаков. Лукашка смеялся глазами, как будто что-то особенное, не зависимое от разговора, происходило в это время между ним и девкой".

Николай Ростов возвратился с войны домой и встречается с Соней. "Он поцеловал ее руку и назвал ее вы — Соня, Но глаза их, встретившись, сказали друг другу ты и нежно поцеловались. Она просила своим взглядом у него прощения за то, что в посольстве Наташи она смела напомнить ему о его обещании. Он своим взглядом благодарил ее за предложение свободы".

Князь Нехлюдов встречается с сестрою. "Они поцеловались и, улыбаясь, посмотрели друг на друга. Совершился тот таинственный, не выразимый словами, многозначительный обмен взглядов, в котором все была правда, — и начался обмен слов, в котором уже не было той правды".

Но часто даже и взгляды излишни. Люди просто чувствуют друг друга.